

**КАФЕДРА ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Еврейская речь

выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

DEPARTMENT OF JEWISH CULTURE
of
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

The Jewish Speech

Issue 1

SAINT PETERSBURG

2013

Ответственный редактор: проф. И. Р. Тантлевский
Редакционный совет: проф. Е. Б. Марьянчик (общая редакция),
доц. Ю. Н. Кондракова,
ст. преп. В. В. Федченко,
асс. Д. В. Ромашов
Технический секретарь: Н. М. Кузнецова

Managing Editor: Professor I. R. Tantlevskij
Editorial Board: Professor E. B. Maryanchik (general editing),
Associate Professor Y. N. Kondrakova,
Senior Lecturer V. V. Fedchenko,
Assistant D. V. Romashov
Technical Secretary: N. M. Kuznetzova

Издано при финансовой поддержке
Published with the financial support of

Genesis Philanthropy Group
в рамках благотворительной программы CAF Россия «Еврейские сообщества»

Genesis Philanthropy Group
under the CAF Russia program "The Jewish Communities"

AMERICAN JEWISH JOINT
DISTRIBUTION COMMITTEE

Санкт-Петербургского отделения Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)

The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)
Saint Petersburg Branch

От редакции

Идея создания серии сборников трудов «Еврейская речь» возникла, прежде всего, на основании того, что одной из важнейших составляющих учебной программы Кафедры еврейской культуры СПбГУ является изучение еврейских языков. Изучение языка любого народа – вернейший и кратчайший путь к постижению основ его ментальности, этоса. Еврейская же культура, будучи преемницей древних цивилизаций Ближнего Востока, современницей античной философии и литературы, изысканной и утонченной средневековой арабской и персидской словесности – это культура речи, слова *par excellence*. В течение тысячелетий еврейская мысль скрупулезно работает со словом Танаха, Талмуда, постигая смысл этих текстов и порождая новые...

Слово – предвечно, как и составляющие его двадцать две буквы еврейского алфавита. Эта концепция лежит в основе еврейской мистики, которая рассматривает весь мир как отражение текста – текста Торы, который есть идея задуманного Б-гом мира. Итак, слово мыслимое, изреченное или записанное, одним словом – речь...

Первый выпуск сборника открывает новый этап в развитии Кафедры еврейской культуры – ведущего центра иудаики в Санкт-Петербурге. Это также новый этап в развитии отечественной иудаики, поскольку до сих пор еще не было издания на русском языке, претендующего на столь широкую проблематику и не ограничивающегося одним языком.

Все материалы, помещенные в сборнике, публикуются впервые, включая переводные статьи. Сборник изначально ориентирован на максимально широкий круг читателей, от которых не требуется владение еврейскими языками. Именно поэтому редакционный совет принял решение публиковать все материалы по-русски.

Сборник задуман как продолжающееся издание с перспективой преобразования в первый российский научно-теоретический журнал, посвященный еврейским языкам. Именно в Санкт-Петербурге сосредоточены самые крупные в мире коллекции еврейских рукописей, именно здесь зародилась российская академическая иудаика и еврейское просвещение, исторически сложилась сильная школа идиша со своими традициями, постепенно складывается центр изучения и преподавания иврита федерального значения.

Поэтому Санкт-Петербургскому государственному университету логично стать флагманом в деле изучения еврейских языков. Мы также убеждены, что со временем будет расширяться круг языков и проблем, исследуемых в «Еврейской речи».

И. Р. Тантлевский

А. Козулева, В. Федченко (г. Санкт-Петербург)

Бер Борохов. «Задачи еврейской филологии».

Перевод и краткий филологический комментарий к статье

Введение

Конец XIX – начало XX вв. – это время языковых реформ. В своей основе многие из них имели ярко выраженный политический и идеологический контекст. Реформы касались как внешнего (письменного) представления языка, так и его внутренней структуры. Здесь можно привести в пример реформы русского и турецкого языков, касавшиеся, в первую очередь, их графической реализации: отмену отдельных символов алфавита и полную смену системы графики, соответственно. Изначально многие языковые реформы имели своей целью упрощение правописания, что представляется вполне закономерным процессом, так как сама языковая система подвергается изменениям, которые консервативная орфография не отражает, но нельзя отрицать тот факт, что большинство языковых реформ происходят именно в момент переломной реорганизации общества носителей языка. В начале XX в. усматривалась непосредственная связь между прогрессом в языке и прогрессом в интеллектуально-духовной деятельности человека. Такой подход к пониманию языка берет свое начало от идей раннего национализма, где язык является основанием для объединения нации и, соответственно, системой формирования, развития и отражения национального сознания.

Статья Бера Борохова «*Di ufgabn fun der yidisher filologye*» («Задачи еврейской филологии») впервые представляется в переводе на русский язык¹. Статья была опубликована накануне Первой мировой войны в 1913 г. в сборнике «*Der pinkes: yorbukh fun der geshikhte far der yidisher literatur un shprakh, far folklore, kritik un bibliografye*» («Ежегодный сборник по истории еврейской литературы и языка, фольклору, критике и библиографии») под редакцией еврейского литературного критика Шмуэля Нигера [Borokhov, 1913]. В данном сборнике были также опубликованы работы по истории литературы

¹ Укороченная версия статьи была переведена на английский язык Д. Кацом [Katz, 1980].

и фольклора на идише, по лингвистике и истории идишской прессы. Сборник произвел своеобразную революцию в еврейском обществе, так как не только доказал, что идиш может быть языком научного дискурса, но и провозгласил независимость еврейской филологии как науки от германистики и гебраистики.

Традиционно считается, что статья Б. Борохова о задачах еврейской филологии сыграла ключевую идеологическую роль в становлении еврейской филологической науки на идише. Она была написана в период, который может быть охарактеризован как один из переломных моментов в истории русского еврейства, когда в еврейском обществе происходил важный процесс самоидентификации. Д. Кац называет эту статью «академической декларацией независимости еврейской лингвистики» [Katz, 1980, 11].

Автор представляемой статьи Б. Борохов гораздо шире известен как политический деятель, создатель партии Поалей Цион и один из активных деятелей сионистского движения. В контексте биографии Б. Борохова его обращение к идишу и исследования в этой области выглядят несколько неожиданно. Кроме публикуемой здесь статьи, он составил также критическую библиографию «*Di bibliotek fun dem yidishn filolog*» («Библиотека еврейского филолога»), охватывающую 501 работу по еврейской филологии за XVI–XIX вв.

Публикуемый перевод будет снабжен кратким комментарием, в котором будет рассмотрено влияние идей Б. Борохова на последующее развитие филологической науки на идише.

2. Бер Борохов. Задачи еврейской филологии

I

Из всех наук филология играет самую важную роль в национальном возрождении угнетенных народов. Филология – наука с большим содержанием, чем лингвистика, так как она не голая теория для исследователей и кабинетных ученых, но практический руководитель для народа. Филология включает в себя определенные теоретические и исторические компоненты, такие как история языка и литературы, всеобщие законы развития языка и т. п., но ее главная задача и образовательное значение заключается в том, чтобы влиять на практическую жизнь народа. Первая цель каждого

пробуждающегося народа – стать господином своего собственного языка, чтобы как можно лучше, ярче и продуктивнее использовать его в национальном творчестве. Пока народ остается безграмотным в своем собственном языке, нельзя говорить ни о какой национальной культуре. Национальная культура состоит не только из произведений великих поэтов, но, в первую очередь, заключается в способности правильно говорить и правильно писать на родном языке. Филология же учит нас правильно говорить и писать, правильно пользоваться нашим языком. В начале национального культурного возрождения, у истоков национальной культуры царит страшный хаос. Язык делится на бесконечное число диалектов, в различных местностях говорят по-разному, каждый пишет так, как ему заблагорассудится, а каждый писатель распоряжается словами согласно своему пониманию. Только филология может положить конец такому положению дел. Она устанавливает корни каждого слова и каждой формы, их историю и развитие значения. И на этом основании филология учит нас правильно понимать слова. Таким образом, посредством науки вводятся общие понятные правила вместо субъективных предположений и выдумок. Создаются полный словарь и грамматика, а народная школа и литература заботятся о том, чтобы научный словарь и грамматика стали для всех обязательными к изучению. Пока у народа нет национальной филологии, т. е. отсутствуют грамматика и словарь, – он еще далек от современной национальной культуры¹.

Далее мы увидим, что этим задачи еврейской филологии не исчерпываются. Однако пока мы занимаемся лишь основами, а элементарные основы национальной культуры – это правильные речь и письмо. Именно поэтому неудивительно, что все

¹ Нужно четко провести различие между лингвистикой и филологией. Лингвистика — общая наука, филология – национальная. Лингвистика может заниматься мертвыми или дикими языками, тогда как филология предполагает, что язык, которым она занимается, несет в себе культурно-историческую ценность, по крайней мере, для прошлого. Обычно филология идет дальше и основывается на предпосылке, что язык имеет национальное значение для будущего. Тот, кто не верит в существование языка идиш, может быть лингвистом, но не филологом. Лингвистика занимается лишь формами языка, а филология – культурным творчеством.

угнетенные народы так высоко ценят национальную филологию. Каждый народ считает своими героями не только политиков-борцов за свободу, великих поэтов и мыслителей, но и тех филологов, которые заложили фундамент науки о языке. Почти везде культурное возрождение начинается с основания литературных, филологических, этнографических обществ, издательств, где выпускаются произведения народных поэтов и т. п. Почти каждый пробуждающийся народ начинает с филологии: единственные известные мне исключения – евреи и еще пара маленьких неудачливых народов. То, что у нас еще нет национальной филологии и нет учителей, которые должны о ней заботиться, – один из признаков бедности нашей культуры¹.

Несмотря на то, что у нас есть выдающаяся поэзия на идише, еще нельзя говорить о настоящем культурном возрождении. Прежде всего, нужно научить народ писать правильно, а потом можно учиться писать красиво. У нас «Ренессанс» начался с поклонения культуре, и каждый обыватель стал поэтом. Правда, сейчас это прие-

¹ Чтобы увидеть, каким исключением являются евреи среди пробуждающихся наций, нужно только вспомнить какую роль играют литературно-филологические общества у финнов, латышей, эстонцев, хорватов, словенцев, чехов, словаков, которые представляют собой основу для национальных школ, национальной литературы и филологии. Далее, у фламандцев (в Бельгии), у каталонцев (на севере Испании), у украинцев тоже есть различные научно-литературные сообщества. У нас также существуют литературные общества в Германии и Венгрии, научные журналы в Берлине, Франкфурте, Париже, Лондоне, еврейское этнографическое общество со своим центром в Гамбурге, Вене. Но руководители всех этих институций, явно или тайно, являются приверженцами ассимиляции, далекими от еврейской жизни. В Америке, Галиции и Румынии еще не была проведена работа в этой области. В России было литературное общество, вокруг которого начало концентрироваться культурное движение, но ему не было суждено просуществовать долгое время. У нас остается, помимо группы, собравшейся вокруг сборника «Пережитое», петербургское «историческое этнографическое общество». Однако оно не может, из-за своего положения и по ряду других причин, исполнять организационную функцию. Я уже и не говорю о том, что у нас нет филологических трудов создателей национальных языков, которые значили бы также много для нашей национальной жизни, как Палацкий для чехов или Вука Караджич для сербов.

лось, теперь начинают понимать, что образование, национальное образование – это дело первой важности. А значит, прежде всего, необходимо развивать еврейскую филологию. Но не только развивать, но и основательно реформировать, чтобы в конце концов нельзя было заявить, что еврейская филология бедна или ее не существует вовсе. Наоборот, существует целый корпус книг, брошюр, статей и заметок, посвященных языку идиш, литературе на идише и фольклору. Только эта филологическая литература не имеет почти никакой национальной ценности, народные массы ничего о ней не знают, а интеллигенции она кажется бесполезной. Почему?

Во-первых, почти вся эта литература написана на иностранных языках. Во-вторых, данная филологическая литература никак не упорядочена, в ней нет центральной темы. Рассеянно и хаотично она занимается отдельными вопросами и деталями, такими как диминутивные формы в грамматике или история той или иной книги. И, в-третьих, практически все уже существующие работы по грамматике идиша носят чисто академический характер, находятся достаточно далеко от реальной жизни и не ставят перед собой никаких практических образовательных целей. За культурно-образовательную работу у нас отвечает газетная публицистика, которая просто крутится вокруг вопросов о том, является ли идиш народным языком, национальным языком, скверным жаргоном или же культурным средством, которым мы можем пользоваться. Большинство авторов научной филологической литературы являются сторонниками ассимиляции, чуждыми еврейской нации. Их научным трудам присуще стремление показать, что идиш в действительности является диалектом немецкого языка, а евреи – носители немецкой культуры на славянских территориях.

Мы точно не знаем, сколько лет идишу, впрочем, здесь идиш не является исключением из правила, так как, в конечном счете, ни про один язык мы не можем сказать, когда точно он зародился. В любом случае, скорее всего, идиш не моложе 600-700 лет, т. е. он зародился до начала поселения немецких евреев в Галиции при короле Данииле и в Польше при князе Болеславе (XIII-XIV вв.). Самые старые дошедшие до нас рукописи на идише

датируются XIII в.¹ Аве-Лаллеман, сравнивая идиш с немецким воровским жаргоном в эпоху Средневековья, приходит к выводу, что идишу 800 лет («Немецкий преступный мир» 1862, кн. 3 и 6). Доктор Мориц Гидеман [«История воспитания и культуры восточноевропейского еврейства» кн. 3, Вена, 1888] подробно останавливается на том моменте, что евреи пишут дифтонг *ie* с помощью двух йодов (ײ). Он предполагает, что такое написание восходит к тому времени (XI-XII вв.), когда в немецком языке еще существовал долгий *i* вместо *ie*. Отражая на письме краткий *i* одним йодом, евреи должны были передавать долгий *i* двумя йодами. В любом случае, наш язык и нашу литературу нельзя назвать молодыми. Еврейская же филология существует уже 400 лет². И если у многих народов филология насчитывает 70-80 лет истории (как, например, у эстонцев, латвийцев, украинцев, сербов), а у других народов ее история еще короче, то нам следует стыдиться, что наша национальная наука до сих пор не заняла достойного места в ряду других подобных.

¹ У нас есть доказательство – талмудический глоссарий в рукописи из королевской библиотеки Мюнхена, которая находится там с 1876 г. и внесена в каталог под номером 420. В рукописи используется очень много немецких слов, объясняющих выражения из Талмуда. И при этом введенные немецкие слова, записанные ивритскими буквами, употребляются как абсолютно естественные для языка.

² Лютер, Иоганн Агрикола и другие христианские теологи начала XVI в. упоминают об идише. Знаменитый знаток иврита и основоположник исследований арамейского языка Себастьян Мюнстер отводит идишу весьма почтенное место, особенно в его «Словаре еврейского языка» (Базель, 1523), где он дает перевод ивритских слов не только на латынь, но очень часто и на идиш. Например, «יָקַשׁ – irretivit, ditune laqueavit Iud. שׂטרוֹכְעֵלֶן id est offendit»; или «גָּדַב – Iud. ditune ווִילִיגֶען» и т. д. Но первое специальное сочинение, посвященное именно идишу, появилось в 1609 г. Его написал христианский лингвист И. Буксдорф (отец). *Lectionis Hebraeo-Germanicae Usus et Exercitatio* (30 s), в этом небольшом сочинении он насчитывает 20 книг на идише, которыми он сам располагал (см. библиографию).

II

Научное исследование нашего языка страдает от глубоко укоренившихся предрассудков против идиша, которые распространены в среде нашей интеллигенции. И сегодня среди нас находятся те, кто считает саму идею еврейской филологии смешной. Именно такие невежественные утверждения, как то, что «идиш – это грязный жаргон», «идиш – искаженный немецкий диалект, у которого нет никакой грамматики или культурной ценности», высказывались еще 80 или 100 лет назад реакционными, ненавидящими народ, лживыми интеллигентами среди греков, сербов, а по сей день частично и среди украинцев и каталонцев. Только реальность свела на нет подобные старания презирующих народ ревнителей. Сегодня новогреческий, сербский и другие народные языки все больше и больше освобождаются от культурного рабства и идут путем развития национального творчества. Хорошо образованный филолог не станет вступать в спор с подобными утверждениями ненавистников идиша. Каждый, кто владеет хотя бы начальными понятиями лингвистической науки, уже хорошо понимает, что любой язык, на котором говорят и который понимают миллионы людей, должен обладать внутренней упорядоченностью и структурой. Если бы это было не так, его бы просто никто не понял. То, что называется «грамматикой», может быть зафиксировано или нет, но язык в любом случае сохраняет свои правила, свой филологический закон. Культурная ценность языка совершенно не зависит от того, была ли записана его грамматика или нет. Однако кажется комичным тот факт, что не только слепые противники идиша, но и его приверженцы «измеряют» ценность идиша по объему его грамматики. Пока противники идиша заявляют, что его грамматика слишком мала, некоторые идишисты хвастаются, что можно эту грамматику сделать более содержательной при помощи введения склонений, спряжений, новых правил и исключений. В таком виде язык теряет всякую специфичность. Грамматика идиша, как мы скоро увидим, на самом деле должна быть достаточно простой, в ней не должно быть большого количества правил. Есть один богатый могучий язык, чья грамматика еще проще и меньше по объему, чем грамматика идиша. Все знают, насколько проста структура английского языка, и насколько он богат понятиями, как вы-

сока его культурная ценность. Известный профессор из Вены, занимающийся восточными языками, всегда говорит своим студентам: «Всю грамматику персидского языка можно записать на визитной карточке и выучить за четверть часа». В то же время персидский – язык всемирно известных поэтов и философов. Наш профессор прав, однако его студенты учат персидский по очень толстым грамматикам, и я уверен, что если захотеть, то можно написать еще более толстую грамматику с бесконечным количеством новых правил и исключений. Потому что каждый живой язык каждого живого народа – это живой организм, отдельная реальность, со своими законами и капризами. Какой бы простой и ясной ни была структура языка, он неисчерпаем. И ни один образованный человек не будет хвастаться, что познал всю полноту и цельность языка. Идиш имеет достаточно простую структуру, несмотря на это задача филологов бесконечно широка и глубока, так как идиш и есть своеобразный живой организм, неограниченный в своей творческой свободе.

Грамматика идиша должна быть бедной, она не может очаровывать своей многоцветностью и выточенными формами, и это не покажется филологу недостатком, а, наоборот, должно стать преимуществом. Идиш утратил очень большое количество старонемецких форм и конструкций. Система склонений и спряжений в идише совсем простая; то, что раньше выражалось через структуру корня, теперь выражается через перифразу: вместо *ןשׂוּן לישׂוּן*, которое мы видим в старых книгах, теперь мы скажем *ןשׂוּן לישׂוּן ין לישׂוּן ין*. Просматривая литературу на идише за все время ее существования, начиная с XIV века (или еще раньше) и до наших дней, мы видим, как постепенно выпадают одна форма за другой. Так исчезают датив, имперфект, конъюнктив. Мы видим, как идиш становится все беднее и беднее в формах, как формы заменяются понятиями, а флексии перифразами. Однако это закон лингвистического развития: со временем все флективные языки становятся беднее в формах. Лингвисты формулируют этот закон так: все флективные языки со временем становятся более аналитическими. Другими словами, это значит, что их «Грамматика» становится все тоньше. Чем древнее

язык, тем он богаче в формах, и наоборот¹. Филология должна услышать голос жизни, сама жизнь требует того, чтобы, чем богаче язык становился понятиями, тем беднее он становился в формах. Чем проще формы, тем легче для народа. Культурное развитие проходит более продуктивно в просто структурированных, и поэтому более гибких языках, чем в старомодных, вычурных языках с множеством запутанных, многосоставных форм. Из всех еврейских филологов только Филипп Манш хорошо понял аналитический характер языка идиш. Он с философским подходом исследовал аналитическую, энергосберегающую тенденцию в грамматике идиша (грамматика Манша (1888-1890) пусть и не столь сильна в научном плане, как грамматика Герцона (1902), но подход в ней гораздо глубже и оригинальнее).

¹ Закон упрощения языков отчетливо прослеживается как в семитских, так и в индоевропейских языках, а это значит в двух составляющих компонентах идиша. Из семитских языков самый древний арабский, который исключительно богат формами. Такая древняя полнота форм стирается в молодых языках – иврите, арамейском. И сводится с легкостью к бедноте форм в новоарабском языке. Древнейший из индоевропейских языков санскрит обладает богатством форм. Но греческий, бактрийский, славянские языки гораздо беднее. Сравнивая латынь с современными романскими языками, готский с германскими, церковнославянский с молодыми славянскими языками, греческий с новогреческим языком, церковно-армянский с новоармянским, везде мы увидим действие данного закона. Мы можем заметить, что на наших глазах русский и немецкий языки теряют некоторые формы и заменяют их перифразами. Точно так же, как идиш, немецкий язык частично потерял имперфект и заменил генитив с окончанием *-s* на *von*. Кондиционал уже начали исключать из немецких грамматик. Из русского языка сегодня исчезают некоторые деепричастия (на – *ючи*, – *ючи*) и форма суперлатива *наи*-. Пиком этого тысячелетнего развития являются прогрессивные народные и, в большинстве своем, аналитические языки нашего времени: новоперсидский, английский, французский и идиш. И когда ревнители иврита нападают на бедноту «недостойного искалеченного жаргона», они должны отметить для себя, что новый иврит Ахад-ха-Ама и Бялика в тысячу раз проще по звучанию и структуре, чем язык Танаха и даже мидрашей, поскольку иврит тоже стремится к аналитизму, как идиш или любой другой флективный язык.

III

Филологи, занимающиеся идишем, сталкиваются с большой трудностью из-за того, что идиш принадлежит к категории смешанных языков. На самом деле не существует ни одного чистого языка. Иврит включает в себя множество арамейских, греческих и персидских элементов; русский содержит много тюркских и финских слов. Но смешанная структура некоторых языков особенно бросается в глаза. Так, английский язык состоит из кельтских, германских и романских компонентов, японский язык – сплав из местного и китайского элементов, а персидский из местного и арабского компонентов. Существует множество красивых языков, которые носят еще более смешанный характер, чем идиш, но никто не осмелится назвать их «грязным жаргоном»¹.

Идиш по большей части состоит из германских слов и форм. Помимо этого, в идише существует большое количество семитских (древнееврейский, арамейский) слов и форм. Главным образом семитскими являются синтаксис и стиль. Частично в идише присутствуют и славянские (польско-украинские), молдавские, венгерские, а в Америке – английские, слова и формы. В конце концов мы замечаем наличие небольшого, но поэтому очень интересного элемента в идише – малочисленные старофранцузские, итальянские и португальские слова: *טללןשט* (субботнее блюдо еврейской кухни, приготовляемое накануне), *עלישטעם* (платок), *זשענע* (благословлять) и другие. Раньше в идише было больше подобных слов. Так, в старых книгах встречаются слова, которые на сегодняшний момент не употребляются (например, слово *preyen* вместо *davnen*

¹ Яркий пример смешанного языка – турецкий (османский). Будучи по существу агглютинативным языком без флексий, принадлежащим к урало-алтайской языковой семье, турецкий связан с совершенно чужими по природе флективными языками – с индоевропейским персидским и с семитским арабским языком. Эта связь, однако, гармонична и высоко продуктивна. Турки говорят на странной смеси языков даже в своей повседневной жизни. Так, турок вас поприветствует такой фразой, где первые три слова будут арабскими с турецкими окончаниями, а четвертое слово турецкое. Или же Вы получаете письмо, на котором стоит штамп «Османская Имперская Почта», где первые три слова арабские, с персидской системой склонений, а четвертое слово итальянское, и все это связано турецким синтаксисом.

(*молиться*)). Нет практически никакого сомнения в том, что эти немногочисленные слова – отголоски того диалекта, на котором говорили наши деды до того, как перешли на немецкий язык. Опираясь на этот факт и на известные филологические и исторические доводы, доктор Гидеман («История воспитания и культуры восточноевропейского еврейства» кн. 1) полагает, что в первое время, в XI-XII вв., евреи Германии еще говорили на французском языке.

В идише различные элементы органически сочетаются друг с другом так же, как в других смешанных языках. Это не хаос и не путаница, а просто язык, состоящий из множества компонентов. С того момента как народный язык включил в себя немецкий, семитский, славянский элементы, они перестают быть немецким, семитским и славянским. Они теряют свой предыдущий статус и становятся идишем. Их произношение подстраивается под фонетику идиша, их система склонений подстраивается под морфологию идиша, их лексика приобретает идишскую этимологию, а их система синтаксиса приспособляется к синтаксису идиша. В идише слова из древнееврейского часто произносятся в ашкеназском произношении, иначе, нежели в иврите. Так, мы произносим *tsu lokhes, balebos, sheygets, melupn, tomer, barmenen, krishme, tayne* вместо *tsu lehakhes, baal-ha-bait, shekets, mlafum, tamar, bar minen, kariat shma, taana*¹. Так и наше произношение на иврите совпадает с фонетикой идиша, *цере* мы произносим как [ey], *холам* мы произносим как [oy], букву *ламед* мы произносим твердо, а ударение всегда ставим на предпоследний слог, а не на последний. Мы часто даем словам из иврита другое значение, например, *אָרַבְרָא (пожалуй), פֿלי־זמר (музыкант)* и т. д. С другой стороны, мы иногда связываем понятия из разных языковых компонентов, как, например, древнееврейский с немецким или древнееврейский со славянским компонентом: *באַגזלען, עניני-געשעפט, הפקר-וועלט, מיט כל המיגלאַכקייט, אונטערחתמענען, אויסחזרן, באַגזלען, פֿעטרושקע, כל בוניק, צבועטשען, צבוע'ק*. Мы так изменили некоторые слова, что их корень практически невозможно распознать, например, из иврита: *צו דאווענען* вместо *דאר'נען*, *קאַטאַוועס* вместо *כתבות*, *צו שמועות'ן* вместо *צו שמועסן*, *צו אויסמעקען* вместо *אויס'מחה'ן*; из немецкого: *לייקאָך* вместо *לעקיך*, *וואָלוול* вместо *וואָלפּייל*, *טינטער* вместо

¹ В переводе используется транскрипция ИВО. – Прим. переводчика.

יְהִי־נִטְרָן; из славянского: נְטָרָנִיּוֹ вместо נְטָרָנִיּוֹ, נְטָרָנִיּוֹ вместо נְטָרָנִיּוֹ. Существует множество таких измененных слов.

Элементы из различных языков в идише совершенно не противоречат друг другу, они просто исполняют различные функции. Они органично связаны друг с другом, как живой организм. Определение функции каждого из этих элементов должно стать одной из задач еврейской филологии. Так, общепринятое мнение, что заимствования из иврита выражают более возвышенные и абстрактные понятия, а немецкие слова – будничные дела, не может быть правильным. Например, слова נְטָרָנִיּוֹ (*Б-г*) и מְטָרָנִיּוֹ (*мысль*) из немецкого используются для выражения возвышенных понятий, а слова из древнееврейского מְטָרָנִיּוֹ (*свят*), מְטָרָנִיּוֹ (*семья*), כְּלִי (*посуда; инструмент*) – для выражения повседневных понятий (также заимствование из древнееврейского используются для обозначения некоторых эротических терминов¹). Нам кажется, что такое различное употребление можно пояснить следующим образом: идеи и отношения, характерные для жизни вообще, будут выражаться с помощью немецкого компонента; а явления, характерные именно для еврейской жизни, по большей части, будут выражаться древнееврейскими словами. Формы и чувства, характерные для повседневной жизни узкого семейного круга, а также негативно окрашенные характеристики будут выражены при помощи славянских заимствований. Так, одно и то же понятие может приобретать различные оттенки, в зависимости от языка, на котором оно выражено. Например, слово נְטָרָנִיּוֹ (*Б-г*) из немецкого выражает общечеловеческое понятие; רַב־נֹרְמָלִיּוֹ (*господин всего мира*) из древнееврейского используется для обозначения отношений между Богом и еврейским народом, а славянское נְטָרָנִיּוֹ (*боженька; папочка*) выражает отношение ребенка к высшей силе. Или возьмем слова נְטָרָנִיּוֹ, פֿשוט, и פֿרום (все они переводятся как *простой; просто*). Однако эти три слова обозначают не совсем одно и то же, но различие в их значении достаточно сложно сформулировать. То же самое относится

¹ נְטָרָנִיּוֹ, תְּהוֹמִים и прочее. Мода называть половые органы и функции древнееврейскими словами происходит из того же чувства стыдливости, что и европейская традиция «прикрывать» подобные понятия латинскими словами. В турецком же языке, например, для подобных целей используют арабские слова, а брахманы используют слова на санскрите.

и к словам נאָר, פּשט, כּיבאַק – все они могут переводиться как *глупец*, но если первое (נאָר) относится к человеку вообще, то второе (פּשט) может относиться только к еврею. Конечно, существует множество важных исключений из данного правила. Однако, в общем и целом, немецкие слова берут начало из взаимоотношений евреев с окружающим их европейским миром; слова из иврита и арамейского – из общинной жизни, из хедера, иешивы и штибла цадика; а славянские заимствования – из личных контактов евреев с крестьянами, домашними слугами, шабесгоями и т. д.

В виде исключения, существуют две интересные области употребления слов из древнееврейского языка в идише:

1. Слова, обозначающие коммерческие отношения: מסחר, סחורה, משכון, ריוח, קרן, מלוה, חוב. Как и некоторые понятия, связанные с криминальным миром: גבוענען, גולענען и т. д.

2. Те грубые выражения, которые евреи обычно применяют к неевреям: גוי, שייגען, שיקסע, להבדיל, или פּאָרן вместо שטאַרבן, האָבן, חתונה האָבן.

То, что слова, связанные с коммерческими отношениями, происходят из древнееврейского, можно частично объяснить тем, что в немецком языке их было недостаточно. Интересно, что сами немцы позаимствовали из идиша следующие слова – *Baisse*, *Pleite*, *Rebbach*, а в немецком воровском языке существует множество слов из идиша (из древнееврейского компонента). Этот факт даже послужил основанием для новых филологических исследований. Многие немецкие исследователи, в частности Аве-Лаллеман, открыли для себя идиш через исследования немецкого воровского языка. Вторая категория, относящаяся к тем грубым выражениям, которые евреи обычно применяют к неевреям, происходит из той обособленности, которая существует в простом народе во всех нациях. Так, русский крестьянин скажет *околеть* (вместо *умереть*), украинский скажет *здохнути* (вместо *смерти*), а немецкий – *fressen* (вместо *essen*), *krepiren* (вместо *sterben*). Вместе с процессом гуманизации языка, из него исчезают такие выражения национальной неприязни.

Смешанная природа идиша не может стать помехой для его развития, так как эти три элемента (немецкий, семитский, славянский) исполняют различные функции. Наоборот, такое положение делает язык еще более богатым. Однако в нашем языке су-

ществует еще и новый четвертый элемент, интеллигентский элемент, который противоречит структуре языка. Мы говорим о «дайчмеризме», который портит наш язык и действительно может добиться того, что идиш станет жаргоном. Давайте остановимся подробнее на данном элементе.

IV

Большинство слов и форм в идише – немецкого происхождения, поэтому каждый наш гимназист думает, что «идиш – это испорченный немецкий». Вот только тот, кто так думает, к сожалению, понятия не имеет о том, что такое немецкий язык. Да, идиш берет начало из немецкого языка, но только не из того немецкого, который учат для того, чтобы получить аттестат зрелости. Язык Шиллера и Гете не отчим идиша, но его сводный брат, к тому же, младший сводный брат. Идиш на 300-400 лет старше того языка, который наши «интеллигенты» считают правильным и образцовым. Оба языка (идиш и немецкий) произошли от средневерхненемецкого, оба были «испорчены». Идиш был испорчен влиянием древнееврейского и славянских языков, а современный немецкий – влиянием латыни и французского. Идиш был испорчен на рынках и в иешивах, немецкий – в университетах и канцеляриях. В сегодняшнем идише все еще часто встречаются слова из средневерхненемецкого языка, которые давно утеряны в литературном немецком. И часто случается так, что слово или грамматическая конструкция, которую невежественные «интеллигенты» принимают за «испорченный» немецкий, на самом деле являются старыми немецкими формами, которые сохранились в идише. Аве-Лаллеман был первым, кто начал подробное исследование подобных слов и конструкций. После него в этой области работали Ландау и Герцон, последний даже написал сравнительную грамматику идиша и средневерхненемецкого. Герцон составил список из 424 слов, которые употребляются в повседневном идише, но не употребляются в немецком. Более того, именно в старой литературе на идише сохранилось множество слов, которые сейчас не употребляются ни в немецком языке, ни в идише.

В силу того, что идиш происходит не из современного литературного немецкого языка, но из исчезнувшего средневерхненемецкого, идиш очень сильно отличается от сегодняшнего литера-

турного немецкого. Однако наши интеллигенты впали в заблуждение, они хотели очистить идиш, подражая немецкой литературе. Они полагали, что если идиш «испорчен», то нужно его «улучшить», то есть, сделать его как можно более похожим на немецкий. Так, в течение XIX в. наши писатели пытались все больше приблизить идиш к немецкому языку. Во-первых, они начали менять фонетику идиша на немецкий манер. Там, где еврей скажет *af, ba, far, nor*, «интеллигенты» начали говорить и писать *oyf, bay, fir, nur*. Народ говорит *dergreykhn, farikhtn, baglikn, shmartsn, hartsik, hant, toyznt, fartik, undz, mentsh, bentshn, briv*, «интеллигент улучшит» эти слова и скажет: *erreikhen, ferrikhten, begliken, shmertsen, hertslikh, hand, toyzend, fertig, unz, mensh, bentshen, brif*. Вводя новые слова из немецкого языка, маскилы¹ не адаптировали их в идише, но просто использовали их так, как они звучат в новонаемецком языке, то есть в немецкой литературе. Вместо *dertsung, antviklung*, народ учили говорить *ertsung, entviklung* и т. д. Онемечивая язык, маскилы также совершенно испортили грамматику идиша. Они создали новые литературно-немецкие формы множественного числа (*lerer* вместо *lerers*, *direktoren* вместо *direkters*, *kreften* вместо *kreft*); ввели средний род существительных, которого в идише практически никогда не было (особенно в литовском), например: *אָרבער זעצער*, *פֿאַלק*, *אָרבער גליק*. Вводится система спряжений: идишское *ער זעצט איבער*, *ער איז איבערגעצייגט* заменяется немецкими формами *ער זעצער איבער*, *איבערעצייגט*. Можно привести еще много примеров подобных «реформ», которыми наши интеллигенты, практически неосознанно, запутали ясную и простую грамматику идиша. Так, например, сегодняшняя грамматика сталкивается с большими трудностями из-за форм множественного числа имен существительных и среднего рода. Так, в «Грамматике идиша» Рейзину пришлось дать более 50 правил построения множественного числа, а по поводу системы родов он не смог сказать ничего вразумительного. Но самым нелепым нововведением кажется орфография, которую ввели маскилы. Орфография переводов Священного писания и рели-

¹ В современной русскоязычной исследовательской литературе слово «маскилы» (ивр. – *просветитель*) принято употреблять во мн. ч. либо с русским окончанием *ы* (маскилы), либо с ивритским *им* (маскилим). – Прим. ред.

гиозных книг на идиш была несистематичной, но маскилы, с целью упростить орфографию, только больше запутали ее, пытаясь превратить в орфографию литературного немецкого языка. Немец произносит *ie* иначе, чем *i*, а *eh* иначе, чем *e*. У евреев, в особенности у литваков, нет такого различия, все же они пишут *לע* и *ע* там, где это совершенно не нужно. Даже там, где немцы уже перестали писать лишние буквы, наши интеллигенты продолжают их писать. С 1880 г. немцы пишут *Tat, Judentum, tun*, а мы и сегодня пишем *טאט, ןודענטום, טאן*.

Невежественная интеллигенция создала много проблем для еврейского филолога. С другой стороны, мы не можем отрицать, что «интеллигентский» элемент принес много пользы для самого идиша. Во-первых, он обогатил и гуманизировал язык, привнес в идиш массу новых слов, которые угнетенный народ не смог бы создать сам. И даже то, что маскилы переделали фонетику идиша на немецкий лад, частично помогло обогатить идиш. Так, например, введение немецкого префикса «*ע*» повысило разнообразие значений. Теперь *ערווארטן* и *לערווארטן*, *ערצייען* и *לערצייען*, *ערפילן* и *לערפילן* имеют различные значения. «Интеллигентские» слова придали понятиям нашего языка более возвышенный характер. Тогда как в немецком языке есть только одно понятие *קונסטפאל*, в идише существует более возвышенное понятие *קונסט, קונסטליך* (*искусство*) и более низкое, приземленное понятие *קונץ, קונציק* (*фокус; уловка*). Таким образом идиш становится богаче. То же самое касается гуманизации языка, как я уже сказал, она состоит в том, что идиш теряет низкие, шовинистические выражения¹.

V

Понимание достоинств и недостатков «интеллигентского» элемента в языке особенно важно для еврейской филологии, так как ее задача заключается не только в составлении грамматики и словаря, но и в обогащении и очищении языка в целом. В то время как первое поколение интеллигенции любого пробуждающегося

¹ Роль просветительского дайтчмеризма очень похожа на ту роль, которую «*langue savante*» сыграл для французов. Обогащая французский язык, старые ученые в то же время портили его, безмерно усложняя формы и орфографию французского языка.

народа стремится гуманизировать язык, следующие поколения работают над тем, чтобы очистить язык от неудачных интеллигентских проектов. И для каждого народа приходит время, когда очищение его народного языка становится основной филологической задачей. 50-60 лет назад такая цель стояла перед латвийцами, эстонцами, сербами, греками, чехами, фламандцами, финнами; теперь такая задача стоит перед украинцами, болгарами, каталонцами, грузинами и перед евреями. Очищение языка является одной из самых сложных задач для всех народов из-за консервативности «интеллигентской» традиции. Против очищения языка борются писатели с их привычками, редакторы, критики, народные читатели, писцы в канцеляриях. И самая широкая публика, простой народ, готов намертво стоять за сохранение своей святой невежественности. Вышеупомянутым народам было очень тяжело проводить работу по очищению языка. Реформы, направленные на упрощение языка, везде встречали с агрессией и раздражением. Новые слова казались «слишком грубыми», а письмо выглядело «нелепым и непонятным». Такими возмущениями встречались все лингвистические реформы у всех народов.

Везде старая интеллигенция жила в заблуждении, что язык народа испорчен, и нужно возвращать его на чужой почве¹.

Точно так же, как и у других народов, реформы должны победить в идише, если интеллигенция будет бороться с дурными языковыми привычками и очистит язык от всех «дайчмеризмов», лишних в идише и не обогащающих его. Ввести в наш язык новые немецкие слова – почему бы и нет! Но они должны быть максимально приближены к фонетическим и грамматическим формам нашего народного языка. Сложнее всего будет очистить от «дайчмеризмов» устную речь, гораздо легче должна пройти реформа письма. Онемеченное письмо наших книг и газет испортило не только письменную, но и устную речь. Люди перестают говорить

¹ Так, новогреческий язык считали «испорченным» древнегреческим, фламандский «испорченным» вариантом голландского языка, каталонский называли «плохим» диалектом испанского языка. Более того, создавались проекты «улучшения» одних языков посредством других, например, финского языка через шведский, сербского через русский, чешского через немецкий и т. д.

на идише, звуки, характерные именно для идиша, исчезают из речи. На идише говорили *ba, af, mentshen, undz*, теперь же говорят *bay, ouf, menshen, unz*. Даже название нашего языка и народа װײַזײַט мы пишем неправильно¹. Реформа письма должна, насколько это возможно, следовать фонетическому принципу, который гласит: «пиши так, как слышишь». Этот принцип является основным и самым важным для каждой системы письма. Другие два принципа, исторический и этимологический, должны только дополнять фонетический. Конечно, фонетический принцип не может охватить все нюансы различных звучаний, поэтому он должен отодвинуть в сторону все местные произношения ради одного единственного, который считается «правильным» (в нашем случае «правильным», т. е. литературным, является литовский диалект). Однако ни одна орфография не может обойтись без вышеперечисленных недостатков.

Нужно помнить, что, чем слабее народ, чем больше опасностей для существования языка, тем больше язык нуждается в упрощенной, ясной системе письма. Искалеченные и диковинные системы письма во французском, английском, русском языках кажутся подрастающему поколению ужасной мукой. Но у детей и их родителей нет другого выбора, кроме как собраться с силами и «победить» этот хаос, царящий в орфографии. У слабых народов, где обучающаяся молодежь может свободно поменять родной язык на другой язык (как культурное средство), сложная орфография представляет собой тяжелое испытание для молодежи и опасность для языка. Поэтому венгры, чехи, сербы, украинцы, латвийцы должны были кардинально реформировать системы письма. То же самое сейчас происходит в болгарском и турецком языках. И мы должны будем в свою очередь последовать примеру «старших товарищей».

Еще более широкая задача нашей филологии заключается в том, чтобы обогатить идиш. Беднота форм – это не беда идиша, но его достоинство, в котором выражается аналитический характер нашего языка. Так как идиш включает в себя три удивительно богатых компонента: семитский, германский, славянский, он должен обладать множеством возможностей для выражения понятий, свойств и т. д. Это богатство возможностей встречается на каждом

¹ Существует два неправильных способа написания: װײַזײַט, װײַזײַט или װײַזײַט, זײַט, ни одно из них не выражает истинного звучания װײַזײַט, זײַט.

шагу. Например, в идише существует великое множество способов сказать *простой* (א פראסטער מענטש, א ייד פון א גאנגן יאָר, א פראסטער בשר ודם) и т. д.) или *могущественный* (א גאַנצער מאכער) א, א תקיף, א מיוחס, א и т. д.) человек. Также существует множество способов выразить свое недоверие: נישט געשטיגן נישט געפליגן, לא היו דברים מעולם, לא היה ולא נברא и т. д. Беднота идиша происходит из определенных социально-психологических условий. Из поколения в поколение ютившийся на улице или бродивший по ярмаркам идиш не удостоился привилегии стать языком канцелярий, салонов или университетов. Именно поэтому в идише нет развитой научной, юридической, политической терминологии. Идиш подпитывался наивными и незамысловатыми чувствами простого еврейского веселья и радости у припечка. Более того, главным образом, оторванный от природы вместе с еврейским народом идиш не мог адекватно выражать многие явления природы. Например, в идише отсутствуют названия многих минералов, растений и животных. Наш язык никак не откликается на пение птицы или вой волка, никак не отражает прекрасную многоцветность осенней природы.

Первостепенная задача еврейской филологии может быть сформулирована как национализация и гуманизация языка. Национализировать идиш значит провести такое основательное очищение и так обогатить язык, чтобы он действительно смог выражать все великое разнообразие творчества еврейского народа. Гуманизировать идиш значит превратить его в адекватное средство для восприятия еврейским народом культурных ценностей современного общечеловеческого развития. Еврейская филология должна помочь в процессе становления идиша как национально-культурного образовательного средства для нашего народа и интеллигенции. Пока сама жизнь взяла на себя эти задачи, и идиш частично стал национально-культурным средством. Однако наш язык пока еще не стал языком образования и передачи общечеловеческих культурных ценностей.

Наши великие писатели понимали необходимость обогатить и развить простой народный язык, даже не обращаясь к научным методам филологии. Так, Менделе Мойхер-Сфорима можно назвать Колумбом, первооткрывателем идиша, а Ицхока-Лейбуша Переца – его Наполеоном, который завоевал для идиша европейский мир. Неожиданный расцвет поэзии и литературной критики

на идише открыл неиссякаемые источники выразительных возможностей. Все это доказывает, что идиш может быть богатым и мощным культурным и образовательным средством для нашего народа. Филология должна только прийти на помощь со своими научными методами и структурировать хаотичный творческий процесс. Менделе национализировал наш язык, его первый литературный внук Шолом-Алейхем удивительным образом популяризовал идиш, а Перец гуманизировал идиш. Три великих писателя создали современный язык идиш. Они разделили между собой историческую задачу. Так давайте же позволим и науке заняться этим наследием. Менделе открыл идиш, так давайте же его исследуем. Перец открыл для идиша новые страны, так давайте же наведем в них порядок. Филология должна получить доступ к целым пластам народного творчества, она должна найти сокровища, разбросанные по восточноевропейским библиотекам. В старой литературе на идише существуют свои классические произведения, такие как *Шмуэль-Бух*, *Сейфер Мидес*, *Майсе-Бух*, которые служили образцом для многих поколений и даже были переведены на иностранные языки. Наш народ обладает богатейшим фольклором, который должен стать предметом исследования филологов. Методы филологического исследования обогатят язык тем, что познакомят народ с его литературным наследием и научат его получать удовольствие от пока еще скрытого богатства. Но отдельные личности не смогут справиться с подобным заданием. Организовать филологические исследования во всей их полноте сможет только организованное общество. Только тогда, когда мы объединим силы всего нашего народа, только с появлением влиятельной национальной организации с филологическими целями, еврейская филология будет в силах выполнить свои задачи.

К орфографии статьи

Здесь я изложу основные положения предлагаемой мной орфографии. Во-первых, в ней должен соблюдаться фонетический принцип. Опираясь на правила фонетики идиша, я беру за основу произношение Вильнюсского района.

Необходимо ввести следующие фонетические правила:

1. идиш должен больше, чем другие языки избегать сложностей в произношении;

2. ударным в слове всегда будет логически важный слог. Чаще всего – корень, реже – смыслообразующая приставка (например, *ןאבערעצן*);

3. менее важные слоги, безударные, для более легкого чтения всегда будут несколько сокращены. Из так называемых гласных самой полной будет *א*, дальше пойдет менее полное *א̣*, потом –*י* (русская *ы*, польская *у*) и *י̣*, еще уже –*י̣* и самый узкий звук –*י̣*.

Когда я произношу *א̣* или *י̣* спинка языка остается практически параллельной небу, глотка умеренно приоткрыта. Это самый простой тип раскрытия речевых органов. Поэтому средние тона *א̣* или *י̣* легче всего произносить, особенно для евреев, чья речь напоминает пение. Им легче пропеть средние тона *א̣* и *י̣*, чем произнести более открытые или закрытые.

Отсюда происходит важнейший закон изменения гласных в фонетике идиша. Во всех исконно идишских словах, которые уже давно используются в народе, все безударные гласные будут меняться. Так, в первую очередь приобретает популярность звук *א̣*, который появляется в приставках (*א̣ב*, *א̣טא*) и перед согласным *ב*, так как в идише это звук, произносимый в гортани, его гораздо легче произнести с гласным *א̣*. Например: *באגאן* из *באגען*, *מילאך* из *מלך* и т. д. Во втором случае из дифтонга получается звук *י̣*. Например: *ברבער* из *ברבייטער* и т. д. Существует еще и третий случай, где гласный совсем выпадает.

Далее, перед *ב* и *ל* выпадают те же безударные гласные, например, *א̣ב*, но не *א̣גען*, *א̣פל*, *קעפל*, но не *קעפעל* и т. д., когда *ב* и *ל* являются слогообразующими согласными. Но, когда эти согласные не являются слогообразующими, гласная перед ними не выпадает.

Я пишу все исконно идишские слова, следуя данным фонетическим правилам, но неологизмы я стараюсь писать, соблюдая правила фонетики идиша. Здесь я должен уточнить, что я беру слова в народном произношении, а не «интеллигентском». Если народ говорит *א̣טא, קייג, בענטש, מענטש*, то я пишу эти слова именно так. Также я сохраняю вставные гласные *א̣* или *י̣*, которые разделяют два не образующих слога звука там, где их произносит народ, например, я пишу *א̣רע*, а не *ארע*, *א̣לע*, а не *אלע* и т. д.

При проведении орфографической реформы необходимо учесть еще два момента:

1. написание не должно вступать в слишком сильное противоречие с этимологией слова;
2. существует несколько вариантов произношения, и литовский базовый вариант не должен сильно противоречить польскому или волинскому произношению. Так, польский еврей всегда читает ” как *au* или как *aa*, поэтому нужно писать не *אָו*”2, а *אָוּוּ*2, иначе польский еврей прочтет *אָוּוּ* 2, и может произойти ошибка.

3. От идеологии к филологии

Статья Б. Борохова «Задачи еврейской филологии» была написана в период, когда в идишской орфографической системе существовала определенная вариативность. С развитием книгопечатания и прессы на идише в XIX в. сформировался континуум разных орфографических вариантов, опирающихся на предшествующие орфографические традиции или стихийно вырабатывающие собственные принципы записи языка. В подобной социолингвистической ситуации, для которой характерна вариативность на том или ином языковом уровне, язык может просуществовать долгое время. Кодификация и нормализация языка вовсе не являются обязательными процессами. Однако, как показывает Дж. А. Фишман [Fishman, 1989], модернизация и формирование националистических идей обычно сопровождается развитием идеологии пуризма, провоцирующей, в свою очередь, языковое строительство.

Публикуемая статья во многом полемизирует с идеологическими дискуссиями, популярными в еврейской культуре в тот период. Она начинается с постулирования ценности нации и утверждения о том, что «филология играет одну из важнейших ролей в национальном возрождении угнетенных народов». Язык идиш понимается здесь как средство для развития национальной идеи. Достаточно резко критикуя предшествующую научную традицию, которая не воспринимала идиш как полноценный язык, но называла его «жаргоном», Б. Борохов приводит примеры других языков, которые носят смешанный характер, но при этом являются языками национальными. Исторически можно выделить два основных подхода к пониманию происхождения и развития языка идиш. Каждый из этих подходов происходит из современного ему интеллектуального и идеологического контекста. С точки зрения первого, идиш является «испорченным немецким», так называемым «жарго-

ном». Данный подход характерен для начала XIX в., когда не принималось во внимание действительное лингвистическое развитие языка. Процесс формирования идиша понимается как дивергенция, то есть создается следующая модель языкового развития: когда-то евреи говорили на «чистом» немецком языке, но постепенно исказили его и приобрели упрощенный бедный, по сравнению с языком-источником, вариант. Позже с развитием лингвистической науки и применением ее наработок для идиша формируется противоположный взгляд на происхождение языка. Второй подход рассматривает идиш через процесс конвергенции, который предполагает, что идиш никогда не был идентичен немецкому языку. Б. Борохов последовательно и достаточно резко критикует первый подход, хотя и аргументы, которыми он пользуется, имеют в основном эмоциональный, исторический, социальный, но не строго лингвистический характер. В частности, он критикует попытки «исправить» идиш, приблизить его правописание к немецкому языку, что, с точки зрения Б. Борохова, привело к усложнению грамматики и орфографии.

Процесс языковой нормализации, согласно Е. Гауген [Haugen, 1969 (1972)], состоит из двух этапов: выбора нормативного варианта и его кодификации. В случае с идишем эти два процесса протекали более или менее одновременно, и Б. Борохов затрагивает обе темы в своей статье. В качестве основы для нормы идиша он предлагает выбрать северо-восточный (литовский) диалект. Второй задачей еврейской филологии он видит очищение и обогащение выбранного варианта, а затем возведение его в статус национального – создание культуры и системы образования на этом языке.

Как утверждает Б. Трахтенберг, Б. Борохов заимствует идею создания национальной филологии и общую модель конструирования национальной науки из опыта произошедших в последние десятилетия XIX в. польского, украинского, литовского и белорусского возрождений [Trachtenberg, 2007, 345]. Однако заимствование общей идеи не противоречит явному новаторству Б. Борохова в ее применении к еврейскому сообществу и в ее детальной разработке. Говоря о развитии еврейской филологии, Б. Борохов настаивает на расширении языковых функций идиша, в частности на использовании идиша как полноценного языка науки – функция, которая в билингвальном сообществе была отведена *лошн койдеш*.

В целом, он верно отмечает общие особенности социолингвистической ситуации, в которой развивается идиш, видит опасность для сохранения языка в билингвизме его носителей и подчеркивает, что сложность орфографических правил может спровоцировать еврейскую молодежь к отказу от их заучивания и переходу на другой язык (русский, немецкий и т. д.). Итак, Б. Борохов предлагает начать реформу идиша с изменения графической формы его представления, то есть с демократизации системы орфографии, которая должна быть основана на фонетическом принципе. Предлагаемые Б. Бороховым идеи впоследствии были приняты в расчет создателями советской орфографии и нормативной орфографии Еврейского исследовательского института (ИВО).

В своей статье Б. Борохов использует риторику социалистического и националистического толка, однако особую ценность его аргументации придает использование лингвистических доводов и попытка соединить их с экстралингвистическими.¹ Он настаивает на демократизации системы письма, приводя один из самых частых для подобного дискурса социальных аргументов о том, что упрощенная орфография способствует повышению грамотности.² Утверждение о том, что «чем проще формы, тем легче для народа» — это прекрасный пример идеологической интерпретации лингвистических явлений, то есть научно устанавливаемого стремления языка к оптимизации и аналитизму. С другой стороны, Б. Борохов указывает на необходимость национальной унификации в интересах национального строительства.

Обращение к сугубо лингвистическим аргументам обусловило важную роль статьи «Задачи еврейской филологии» в становлении еврейской (идиш) лингвистики, а также в более широкой научной области — интерлингвистике еврейских языков. Ссылаясь на работу М. Гидемана «История воспитания и культуры восточно-европейского еврейства», отмечающую, что в XI–XII вв. евреи Германии еще говорили на французском языке, Б. Борохов в какой-

¹ Согласно [Geertz, Van Den Broeck, Verdoodt, 1977, 233], на общий ход орфографической реформы больше влияют нелингвистические факторы — политические и социальные.

² См. об использовании данного аргумента в дискуссиях о других орфографических реформах в [Sebba, 2009, 45].

то степени предвосхищает теорию М. Вайнрайха о формировании идиша через цепочку еврейских языков и языковой сдвиг, изложенную в его знаменитой работе «Geshikhte fun der yiddisher shprakh» («История идиша») [Weinreich, 1973]. Идея о гибридности идиша, которая также получает строгое лингвистическое развитие в исследованиях М. Вайнрайха, принадлежит Б. Борохову, стремившемуся подчеркнуть оригинальность идиша как языка и оправдать его право на существование. Анализируя идиш в рамках своей теории марксистского сионизма и аргументируя, почему именно идиш должен стать национальным языком и привести народ к освобождению, Б. Борохов формулирует основные направления в идишской лингвистической науке на ближайшие десятилетия. Его идеи были подхвачены такими известными лингвистами как М. Вайнрайх, С. А. Бирнбаум, З. Рейзен. В данном случае перед нами интересный пример того, как языковая политика и идеологическое осмысление языкового материала способны повлиять на развитие фундаментальных лингвистических исследований.

При этом Б. Борохов противопоставляет филологию и лингвистику и вовсе не проявляет интереса к последней. Лингвистика, с его точки зрения, — наука теоретическая, созданная для узкого круга интеллектуалов и не имеющая прямой связи с интересами нации, в то время как филология предназначена для всеобщего применения и имеет явный прикладной характер, полезный для национального строительства. В интерпретации Б. Борохова именно филология должна заниматься популяризацией знаний о языке, устанавливать языковую норму и предписывать употребление «правильных» языковых вариантов. В нашем сегодняшнем представлении о составе этих двух наук Б. Борохов говорит о лингвистике, и даже точнее, о прескриптивной лингвистике. Он выявляет необходимость создания единого однородного национального языка, руководствуясь распространенными в XIX – начале XX вв. идеями о том, что главную роль в самоопределении нации играет язык. Современники восприняли идеи Б. Борохова скептически, но уже в 1920-30-е гг. для идиша одновременно были описаны две прескриптивные нормы.

Библиография

1. Borokhov B. Di ufgabn fun der yidisher filologye // Der pinkes: yorbukh fun der geshikhte far der yidisher literatur un shprakh, far folklore, kritik un bibliografye. Vilne, 1913.
2. Fishman D. A. Language and Ethnicity in Minority Sociolinguistic Perspective. Clevedon/Philadelphia: Multilingual Matters. 1989.
3. Geerts I. J., Van Den Broeck J., Verdoodt A. Successes and failures in Dutch spelling reform // Fishman D. A. (ed.). Advances in the Creation and Revision of Writing Systems. The Hague: Mouton. 1977. – P. 179–245.
4. Haugen E. Linguistics and language planning // Haugen E. (ed.). The Ecology of Language. Stanford: Stanford University Press. 1969 (1972). – P. 159–186.
5. Katz D. Ber Borokhov, Pioneer of Yiddish Linguistics // Jewish Frontier, 47, 6 (506). New York. 1980, – P. 10–20.
6. Sebba M. Sociolinguistic approaches to writing systems research // Writing Systems Reaserch, 1(1). 2009, – P. 35-49.
7. Trachtenberg B. Ber Borochov's "The Tasks of Yiddish Philology" // Science in Context, 20, 02. Cambridge University Press. 2007. – P. 341–352.
8. Weinreich M. Geshikhte fun der yidisher shprakh: bagrifn, faktn, metodn. Nyu-York, Yidisher visnshaftlekher institut. 1973.

Об авторах

Бакулина Наталия Валериевна, к.п.н., старший научный сотрудник лаборатории обучения русскому языку и языкам других этнических меньшинств института педагогики НАПН Украины, г. Киев, Украина;

Дубнова Керен, Ph.D., ученый секретарь Академии языка иврит, лектор Педагогического института им. Давида Елина, г. Иерусалим, Израиль;

Израэли Сара, старший преподаватель кафедры изучения иврита как иностранного языка Школы для иностранных студентов им. Ротберга Еврейского университета в Иерусалиме, автор ряда университетских учебников по ивриту для начинающих, разработчик программы по ивриту NETA для VI-XI/XII классов школ в странах еврейской диаспоры, г. Иерусалим, Израиль;

Ишай Варда, старший преподаватель кафедры изучения иврита как иностранного языка Школы для иностранных студентов им. Ротберга Еврейского университета в Иерусалиме, автор ряда университетских учебников продвинутого уровня по ивриту, г. Иерусалим, Израиль;

Заславски Рина, директор отдела иврита и самоидентификации департамента русскоязычного еврейства Еврейского агентства для Израиля, г. Иерусалим, Израиль;

Козулева Анастасия Дмитриевна, магистрант кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия;

Кондракова Юлия Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры древнееврейского языка и литературы, заместитель декана по науке филологического факультета Государственной классической академии им. Маймонида, г. Москва, Россия;

Марьянчик Евгений Борисович, к.т.н., проф., директор Межрегионального центра преподавания иврита, руководитель проекта ALE по преподаванию иврита в школах СНГ, г. Ашдод, Израиль;

Панова Татьяна Александровна, лингвист, участник российско-германского проекта по созданию электронного корпуса языка идиш, г. Санкт-Петербург, Россия;

Ромашов Дмитрий Витальевич, ассистент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, редактор Ресурсного информационно-методического центра еврейского образования, г. Санкт-Петербург, Россия;

Скородумова Полина Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;

Федченко Валентина Владимировна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия;

Цукер Шева, Ph.D., исполнительный директор организации «Идиш-лига», главный редактор журнала на идише «Афн швел» (Нью-Йорк), автор учебников по идишу, г. Нью-Йорк, США.

Содержание

<i>От редакции</i>	5
<u>ФИЛОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ</u>	
<i>К. Дубнова (г. Иерусалим, Израиль). «Конструкции состояния» в современном иврите – история развития</i>	7
<i>П. Скородумова (г. Москва, Россия). К вопросу о семантической редукации в иврите</i>	30
<i>А. Козулева, В. Федченко (г. Санкт-Петербург, Россия). Бер Борохов. «Задачи еврейской филологии». Перевод и краткий филологический комментарий к статье</i>	40
<i>Т. Панова (г. Санкт-Петербург, Россия). Идиш в современных хасидских печатных изданиях</i>	66
<u>ОРГАНИЗАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ</u>	
<i>Ю. Кондракова (г. Москва, Россия). Преподавание иврита на территории бывшего СССР</i>	87
<i>Д. Ромашов (г. Санкт-Петербург, Россия). Преподавание иврита на кафедре еврейской культуры СПбГУ: воплощение замыслов</i>	102
<i>Р. Заславски (г. Иерусалим, Израиль), Е. Марьянчик (г. Ашдод, Израиль). Об опыте внедрения программы NETA в VI-XII классах еврейских школ стран СНГ (2005-2013 гг.)</i>	108
<i>С. Исраэли (г. Иерусалим, Израиль). Начинать всегда тяжело</i>	127
<i>В. Ишай (г. Иерусалим, Израиль). Пути формирования навыков письменной речи</i>	137
<i>Н. Бакулина (г. Киев, Украина). Ориентировочные требования к оцениванию учебных достижений учащихся по языку иврит (V-IX классы)</i>	150
<i>Ш. Цукер (г. Нью-Йорк, США). Как редактировать журнал на идише в наши дни?</i>	175
<i>Об авторах</i>	179